
МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ ИНВАЛИДНОСТИ

Ольга Вербилович

Статья посвящена обоснованию теоретических понятий «идентичность человека с инвалидностью» и «публичная сфера инвалидности». Социальная политика рассматривается как институт, порождающий идентичность человека с инвалидностью как на уровне идеологии государственной социальной политики, так и посредством коллективного действия «низовых» инициатив. Публичная сфера инвалидности рассматривается как символическое пространство и процесс формирования особой идентичности человека с инвалидностью в ходе рационально-критической дискуссии, в частности в федеральных СМИ как публичных аренах. На эмпирическом материале показано, что хотя процессы формирования идентичности человека с инвалидностью деформируются манипулятивными стратегиями презентации в СМИ, налицо растущая заметность публичной сферы инвалидности, усиливающей эмансипаторные интересы и позиции людей с инвалидностью.

Ключевые слова: идентичность человека с инвалидностью, публичная сфера инвалидности, политическая и статусная модели идентичности, дисмодернизм

IDENTITY FORMING MECHANISMS IN PUBLIC SPHERE OF DISABILITY

Olga Verbilovich

The research deals with the concepts of "identity of a person with disability" and "public sphere of disability". Social policy is described as the institution, which produces the identity of people with disabilities both on the level of the state ideology and collective action from below. Public sphere of disability is defined as symbolic space and the process of specific disable identity forming through rational-critical discussion. Concrete empirical examples are used to show that although the processes of identity forming are distorted by manipulative strategies of mass-media representations, the public sphere of disability is becoming more visible, promoting emancipatory interests and positions of people with disabilities.

Keywords: identity of a person with disability, public sphere of disability, political and status identity models, dismodernism

Введение*

Создание позитивного образа человека с инвалидностью в СМИ, степень активности и способность вступать в диалог на различных публичных площадках самих людей с инвалидностью и их ближайшего окружения сегодня во многом определяют действенность комплексной социальной политики в отношении людей с инвалидностью. Как известно, в 2008 г. Российская Федерация подписала Конвенцию ООН «О правах инвалидов», а 27 апреля 2012 г. была осуществлена ее ратификация. Тем самым государство подтвердило свою готовность к принятию международных принципов построения социальной политики в отношении людей с инвалидностью и формированию соответствующих условий ее реализации, развитию культуры инклюзии в обществе в целом.

Вместе с тем в рамках различных публичных площадок в СМИ периодически возникают резонансные конфликты, которые говорят об устойчивом доминировании стереотипов в сознании журналистов, низком уровне их компетентности, а возможно, и о преднамеренном манипулировании тематикой инвалидности. Но, с другой стороны, возникновение такого рода конфликтов становится вызовом, который стимулирует публичную реакцию и свидетельствует о возрастающей активности людей с инвалидностью и их окружения, стремлении отстаивать права, утвердить и представить себя достойными гражданами, а свою идентичность как формирующуюся в ходе коллективных действий, уникальную и необходимую часть современной культуры. В данной статье предпринята попытка проанализировать механизмы формирования идентичности в публичной сфере инвалидности российского общества. Интерес представляют вопросы о том, как тема инвалидности входит в пространство публичной дискуссии вне традиционных «социальных» рубрик и тематических репортажей, передач, телеканалов, каков характер этой дискуссии, кто ее ключевые агенты, как распределяются позиции участников дискуссии, какова реакция и роль публики.

Представленные кейсы медийного дискурса не позволяют в полной мере судить о тех или иных трансформациях отношения к людям с инвалидностью в российском обществе, однако наглядно демонстрируют различия в реакции официальных СМИ и властных институтов на проявления оскорбительной риторики в теме инвалидности. Причины таких изменений во властном дискурсе можно трактовать по-разному. Мы предполагаем, что, по крайней мере, одна из них – это изменение правового поля и совершенствование законодательства, а именно: подписание

* Автор выражает благодарность независимому рецензенту, научному руководителю Е.Р. Ярской-Смирновой, коллегам Е. Гольман, Д. Присяжнюк, Р. Садыкову, В. Маркиной за помощь, важные дополнения и критические замечания в процессе написания статьи.

и ратификация Конвенции ООН «О правах инвалидов» (2008–2012). В связи с этим наше внимание было сосредоточено на федеральных СМИ (телевидение, радио и пресса), а выбор конкретных ситуаций обусловлен поиском модели публичного взаимодействия в терминах концепции публичной сферы Ю. Хабермаса, где в рационально-критическую дискуссию на равных правах включены граждане, общественные организации, журналисты и властные институты, руководствующиеся установкой на достижение взаимного согласия [Habermas, 1991].

Идентичность человека с инвалидностью: теоретические подходы

Проблематизация идентичности человека с инвалидностью

Подходы к пониманию идентичности развивались в русле различных социально-психологических и социологических парадигм начиная с 1960-х гг. в США [Эриксон, 1996; Бергер, Лукман, 1995; Allport, 1954; Foote, 1955; Strauss, 1959; Goffman, 1963]. Рассуждая в терминах классической теории Э. Эриксона, процесс формирования идентичности можно описать такими категориями, как «ощущение тождества личности и непрерывности времени», «ориентация на значимого другого» и «оценка себя с точки зрения значимого другого» [Эриксон, 1996. С. 24–33]. Согласно Эриксону, современный человек подвергнут риску кризиса и диффузии идентичности ввиду множественности ролевых ожиданий, которые могут стать основанием для его самоопределения. У человека с инвалидностью указанные риски возникают не только в ходе возрастных этапов развития личности, но перманентно присутствуют на протяжении всего процесса социализации и формирования гендерной, профессиональной, городской и других сторон идентичности. Само по себе определение социальной роли и позиции в обществе отягощается социальными стереотипами, человек с инвалидностью зачастую «балансирует» между статусно-ролевыми позициями «нуждающегося в помощи», с одной стороны, и равноправного участника социальных процессов (отца или матери, эксперта-профессионала, правозащитника), с другой.

В книге И. Гофмана человек с инвалидностью понимается как индивид, обладающий определенными особенностями, которые отталкивают нас («нормальных»), заставляя отрицать его иные черты и характеристики [Goffman, 1963]. Стигматизированная идентичность формируется в результате признания обществом идентичности человека с инвалидностью как маргинальной, лежащей в границах дихотомии «больной-здоровый». Однако признание факта физического недостатка не является достаточным основанием для самоопределения. К тому же следует учитывать внутреннюю дифференциацию социальной группы людей с инвалидностью, в которой присутствуют различные категории людей и типов заболевания,

а также семантическую двойственность понятий устойчивости/изменчивости и тождественности/инаковости, заключенную в саму категорию идентичности [Эриксон, 1996. С. 24–33]. В связи с этим идентичность человека с инвалидностью видится нам как более сложный процесс, который не может быть описан статичными терминами как заданный раз и навсегда. Как правило, люди с инвалидностью считаются пассивными получателями услуг социальных служб и государства, в то время как они могут быть независимыми акторами социальных взаимодействий, их идентичности могут быть разными, что утверждается, в том числе и посредством коллективного действия, осуществляемого в публичной сфере сообществом или общественным движением людей с инвалидностью.

Проблематизация концепций коллективного действия и «новых» общественных движений в европейской и американской социологической традиции в 80-е гг. XX в. стимулировала дискуссию о политике идентичности людей с инвалидностью в конструктивистском понимании [Melucci, 1995; Oliver, 1997; Winter, 2003; Shakespeare, 2006]. Сегодня западные социологические концепции рассматривают инвалидность как социальный конструкт, включая в аналитическую схему процесс формирования особой идентичности через переопределение социальных норм и конструирование новых культурных кодов в символическом пространстве публичной сферы [Fraser, 2003; Shakespeare, 2006]. В данной статье идентичность людей с инвалидностью будет определяться в двух аспектах: как процесс и как взаимодействие множественных дискурсов. Рассмотрим эти подходы и проиллюстрируем процессы и механизмы формирования идентичности в публичном дискурсе российских СМИ, онлайн- и офлайн-площадках коммуникации.

Возможности самоопределения: критика социального порядка

Позиция сторонников «модели политической идентичности» отсылает нас к традиции понимания идентичности как основания социального и политического действия в виде индивидуальных самоопределений и социальных позиций [Cohen, 1985], а также коллективного феномена совместно разделяемых ценностей и установок, лежащих в основе групповой солидарности и коллективного действия [Melucci, 1995].

Т. Шекспир рассуждает о формировании идентичности людей с инвалидностью как одной из угнетенных социальных групп, культурного меньшинства [Shakespeare, 2006]. Прежде всего, это отрицание стигмы и концентрация внимания на структурных причинах виктимизации, процесс «переворачивания» стигмы: негативное содержание ярлыка становится достоинством. Слова «инвалид», «калека» используются социальной группой людей с инвалидностью, например в Великобритании или США, для самоопределения как индивидуального, так и на уровне группового сознания, борьбы за права в условиях угнетения. Здесь важным

моментом выступает необходимость совершения прямого коллективного действия самими группами людей с инвалидностью, а не пассивное ожидание действий от властных институтов. Решающими являются самоидентификация как члена угнетенной социальной группы и самоорганизация этой группы с целью провести в жизнь социальные изменения. Центральными, по мнению исследователя, здесь могут выступить культурные репрезентации, включение людей с инвалидностью в сферу искусства, т. к. «только через образы, бросающие вызов обществу, наглядно указывающие на существующие противоречия, возможно формирование прогрессивного мышления» [Shakespeare, 1993. P. 268].

Критики модели политической идентичности утверждают, что такой подход с самого начала теряет основание диалогичности, т. к. речь идет о сопротивлении или противостоянии меньшинства большинству, что требует формулирования категоричных ультиматумов и однозначно утверждаемой идентичности. В то время как идентичность человека с инвалидностью постоянно переопределяется во множественных контекстах, заключение в скобки которых ведет к «реификации» идентичности исключенной группы [Fraser, 2003. P. 23–24]. Альтернативной моделью, предлагаемой исследовательницей Н. Фрейзер, является «статусная модель» утверждения идентичности людей с инвалидностью. Согласно такому подходу, ключевым моментом выступает, прежде всего, регулярное повседневное взаимодействие сообщества людей с инвалидностью с социальными институтами и властными структурами в различных контекстах, поступательное формирование особой культуры равноправного участия в процессах принятия решений, конструирование открытого диалога в публичной сфере.

Признание в терминах статуса означает возможность пересмотреть культурные образцы по отношению к индивидам, участвующим на равных правах в процессе интеракции и конструирования норм социальной жизни [Fraser, 2003. P. 29]. Таким образом, формирование идентичности людей с инвалидностью возможно благодаря существованию институциональных механизмов и образцов поведения, сформировавшихся как результат уже состоявшихся и основание для последующих социальных и политических действий [Gould, 1995; Calhoun, 1998]. В свою очередь, формирование такого рода механизмов возможно в перформативном пространстве как конструирование идентичности через выражение действия, изменение восприятия этой идентичности в публичной сфере [Butler, 1990]. Публичная сфера как перформативное пространство предлагает альтернативные способы утверждения идентичности человека с инвалидностью, отличные от существующих представлений. Сегодня все чаще культурное производство поворачивается к сюжетам, которые предлагают «пересмотр» доминирующих стереотипов о жизни людей с инвалидностью. Исследователи отмечают историческую трансформацию транслируемых в кино и СМИ образов: «жертва», «модель личной трагедии» в советское время и новые образы

равенства в современном публичном дискурсе [Романов, Ярская-Смирнова, 2006. С. 1–12; Романов, Ярская-Смирнова, 2011. С. 79–80]. Примерами таких новых измерений темы инвалидности в современном публичном дискурсе в России могут служить образы фильмов Т. Шахвердиева «О любви» (2003), Л. Аркус «Антон тут рядом», (2012), герои телепроекта ТВ-канала «Дождь» «Все разные. Все равные»¹, а также факт появления в телеэфире таких тематических ТВ-каналов, как «Доверие» (2006), «Инва Медиа ТВ» (2012) в качестве площадок информирования и дискуссии.

Появление альтернативных площадок артикуляции темы и новых определения понятия «инвалидность», их диверсификация позволяют говорить об идентичности человека с инвалидностью как об изменчивом продукте множественных, порой противоборствующих дискурсов, отражающих нестабильную, фрагментарную и колеблющуюся природу процесса самоидентификации (в традициях постструктурализма и постмодернизма) [Hall, 1996; Werbner, 1996]. В связи с этим обратимся к концепции дисмодернизма, представленной Л. Дэвисом. Автор утверждает, что идентичность человека с инвалидностью испытывает на себе влияние двух противоборствующих дискурсов – во-первых, дискурса сильного и совершенного тела, сконструированного в эпохи Возрождения и Просвещения, и во-вторых, отрицающего категории «совершенство» и «целостность» дискурса постмодерна. По мнению Дэвиса, необходима новая этика тела, которая признает достижения науки и технологии, но в то же время не может опираться лишь на дискурс силы и совершенства [Davis, 2006. P. 236–238]. Границы идентичности человека с инвалидностью, как и самой исключенной группы, сегодня не могут быть заданы однозначно. Дисмодернизм отрицает понятие «исключенная группа», т.к., по мнению Дэвиса, сегодня мы можем утверждать, что единственное, что объединяет людей – это их разнообразие и взаимозависимость. Это связано с концепцией мультикультурализма, подчеркивающей самоценность любой идентичности и не требующей ее соотнесения с доминирующей культурой «нормальности». Концепция дисмодернизма опирается на понятие коллективной идентичности и включает в себя два измерения, такие как «нарушение» и «нормальность», пришедших на смену «послушанию» и «власти». При этом «нормальность» мыслится как фантазия или утопия, а «нарушение» и зависимость от другого – как повседневная норма и правило [Davis, 2006. P. 238–240].

Как уже было сказано ранее, идентичность человека с инвалидностью не является статичной характеристикой. Изучение инвалидности невозможно без понимания процесса и механизмов конструирования инвалидности в публичной сфере общества, специфики взаимодействия различных, а порой и разнонаправленных дискурсов инвалидности: официальный – государственный, медицинский, СМИ-дискурс, неофициальный – граждан-

¹ Проект «Все разные. Все равные» // http://tvrain.ru/story/vse_raznie_vse_ravnie/

ские инициативы и онлайн-площадки, экспертное сообщество и активность самих людей с инвалидностью, их социального окружения. Рассмотрим некоторые процессы переопределения инвалидности в публичной сфере.

Риторика инвалидности в российской публичной сфере

Опираясь на теоретическую традицию Ю. Хабермаса, публичную сферу будем понимать и как символическое пространство, и как процесс конструирования норм и образцов поведения в ходе рационально-критической дискуссии [Habermas, 1991. P. 27]. Исследование публичной сферы инвалидности предполагает изучение риторики медийного дискурса, а также степени вовлеченности и характера активности самих людей с инвалидностью в процесс определения инвалидности. Анализ СМИ-дискурса осуществлен с опорой на теоретико-методологические принципы конструктивизма [Ибарра, Китсьюз, 2007]. СМИ рассматриваются как публичные арены, в рамках которых на конкурентных условиях определенными субъектами конструируются и постулируются как важные те или иные социальные проблемы [Хилгартнер, Боск, 2000]. Производство социальных проблем – одна из профессиональных задач журналистов. Конструируя в СМИ какие-либо образы и их интерпретации, журналисты задают определенные координаты дискуссии на тему инвалидности. Находясь в этих координатах, герои телепередач, эксперты, зрители, считывают медиасообщение и дополняют его вариативными смыслами. В медийных дискурсах социальные проблемы как бы конкурируют между собой за право быть значимыми [Спектор, Китсьюз, 2001], медиасообщения претендуют на единственно верные определения инвалидности, транслируя интересы различных групп. В то же время в поле публичной дискуссии все громче звучат и голоса людей с инвалидностью – проявляется их позиция к официальной идеологии социальной защиты, определяются возможные перспективы решения проблем социальной инклюзии «снизу вверх».

Появление темы инвалидности в СМИ, как правило, сопровождается сообщениями о благотворительности, обсуждением государственной социальной политики, социальных проблем. Однако категория инвалидности и связанные с ней смыслы могут стать предметом дискуссии и вне традиционных рамок, привлечь внимание публики как косвенно упомянутая метафора, «оговорка» или шутка, приведенная «к слову». В таких ситуациях категория инвалидности становится катализатором общественного обсуждения или осуждения, будь то реакция читателей на статью журналиста, реплику телеведущего или сообщение блогера в социальных сетях. Обратимся к конкретным примерам медийного дискурса, которые представляют тематику инвалидности вне традиционных «социальных» рубрик изданий, специализированных передач и ТВ-каналов, рассмотрим интонации и эффекты дискуссии, фокусируясь на том, как публичная сфера

приводит в действие те или иные механизмы формирования идентичности людей с инвалидностью.

«Манипулятивная» публичная сфера

Один из ранних «скандалов» в СМИ, затрагивающих тематику инвалидности и иллюстрирующих действия описанных механизмов, – ток-шоу «Пусть говорят: Тату против людей-инвалидов», вышедшее в эфир на «Первом канале» 14.12.2006. Представители Сыктывкарского спортивного клуба людей с инвалидностью потребовали публичного извинения солисток группы и денежной компенсации за моральное оскорбление, содержащееся в буклете одноименного альбома, в котором говорилось, что «Люди Инвалиды – подделка на основе человекообразной болванки», они «не живут, а функционируют».

Создание поп-продукта базируется на метафоре «инвалид как морально падший человек». Инициативная группа людей с инвалидностью в данном случае выступает «антигероем», налицо негативное отношение к инициативе и ультиматум, сконструированный авторами передачи: «надуманная проблема». Руководствуясь инструментальными интересами, авторы передачи играют на эскалации конфликта между группой и представителями сообщества инвалидов. При этом в дискуссию, изначально подчиненную коммерческим интересам, вовлечены представители власти, журналисты федеральной прессы, депутаты государственной думы, профессора университетов, музыкальные обозреватели, которые выступают защитниками либо оппонентами сторон. Не обладая навыками ведения публичной дискуссии и статусной позицией, люди с инвалидностью изначально не могли претендовать на «весомость» в дискуссии. «Свобода творчества» используется группой «Тату» как защитный риторический прием, самопрезентация участниц группы превращается в перформанс, а утверждения-требования оппонентов выставляются как фарс и предвзятое отношение к популярности группы. В результате основное сообщение, адресованное зрителю, воспроизводит традиционный дискурс бесполезности людей с инвалидностью, мы наблюдаем классический пример «манипулятивной публичной сферы» [Habermas, 1991. P. 181–190]. Телевидение создает лишь видимость публичной дискуссии на злободневные темы, тема инвалидности используется как маркетинговый ход, способный привлечь «нонконформистский» сегмент аудитории [Ним, 2010].

Возможности и ограничения рационально-критической дискуссии

Столкновение с теми или иными ситуациями, в которых люди с инвалидностью по умолчанию категоризируются обществом как «беспольные», пассивные получатели благ, может способствовать пересмотру границ собственной идентичности и самоопределения сообщества людей с ин-

валидностью. Так, активность родителей детей с синдромом Дауна, включенных в сообщество, объединенное вокруг онлайн-площадки Downside Up, представляет интерес в связи с их реакцией на статью журналиста А. Никонова «Добить, чтоб не мучился!»¹, опубликованную в газете «Спид-Инфо» в декабре 2009 г. Основной посыл статьи состоит в призыве оставить за обществом право на эвтаназию детей с синдромом Дауна еще при рождении, так как они не способны интегрироваться в общество и не смогут принести пользу государству. По инициативе Светланы Старковой и Снежаны Митиной, отреагировавших на статью в своих блогах и на сайте сообщества, а также направивших обращение в Общественную коллегия по жалобам на прессу², в феврале 2010 г. статья А. Никонова была рассмотрена на заседании Общественной палаты РФ совместно с экспертами Союза журналистов России³. К процессу обсуждения и критики статьи также подключились и другие онлайн-сообщества родителей детей с синдромом Дауна, гражданские инициативы. По результатам рассмотрения дела издание «Спид-Инфо» обязалось предоставить возможность родителям написать ответную статью, а общественная Коллегия по жалобам на прессу обратилась к редакциям других СМИ с призывом «уделять больше внимания всестороннему и вдумчивому обсуждению реальных, а не "скандальных" проблем, связанных с содержанием, лечением, адаптацией, воспитанием и образованием детей-инвалидов»⁴.

Рассмотренный кейс представляет собой один из наглядных примеров возможного взаимодействия в ходе рационально-критической дискуссии, в которой на равных правах участников выступают ключевые агенты публичной сферы инвалидности: журналисты, сообщество родителей детей с инвалидностью, экспертное сообщество, властные институты. В данном случае сообщество родителей формулирует определенные утверждения-требования, а экспертное сообщество и властные институты реагируют на требования, пытаясь ввести в институциональную практику определенные нормативные образцы поведения и отношения к проблеме [Fraser, 2003]. Однако критический потенциал дискуссии не реализован в полной мере. Представители сообщества родителей изначально не обладали достаточ-

¹ Никонов А. «Добить, чтоб не мучился!» // http://www.presscouncil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=365&Itemid=99999999&limit=1&limitstart=2

² Снежана Митина и Светлана Штаркова против газеты «Спид-Инфо» // http://www.presscouncil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=365&Itemid=99999999&limit=1&limitstart=1

³ ОПРФ обсудила позицию журналиста, который предложил матерям избавляться от детей-инвалидов // <http://www.ltv.ru/news/world/147936>

⁴ Решение «О жалобе Снежаны Митиной и Светланы Штарковой на газету «СПИД-Инфо» в связи с публикацией статьи Александра Никонова "Добить, чтоб не мучился!.." // http://www.presscouncil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=365&Itemid=99999999&limit=1&limitstart=9

ным ресурсом для противостояния журналисту в публичной сфере: навыками публичного выступления и подготовки публицистических текстов, статусом и известностью. Между тем в защиту журналиста Никонова выступили не формальные институциональные структуры, а «лидеры мнений», журналисты, обладающие кредитом доверия публики и компетенциями профессионального публициста: например, Алексей Венедиктов и Павел Шеремет¹. Как и в указанном выше кейсе с группой «Тату», журналисты-защитники использовали контраргумент «свободы слова и творчества».

Однако вскоре отстраненная и формальная реакция на резонансные конфликты, связанные с проблемами инвалидности, сменяется на более жесткую позицию со стороны официальной публичной сферы. Так, в эфире утренней передачи «Болячки» на радиостанции «Маяк» 04.10.2012 ведущие Алексей Веселкин и Виктория Колосова в насмешливой и некорректной форме обсуждали генетическое заболевание муковисцидоз². Риторика дискуссии³ оскорбила родительское сообщество, представителей общественных организаций, врачей и, безусловно, самих людей, страдающих этим заболеванием.

После выхода передачи в эфир последовало требование о публичном извинении ведущих и авторов в связи с оскорблением и искажениями фактов некомпетентным специалистом. Общественные организации заявили о готовности подать иск в суд и потребовали от руководства радиостанции пригласить в эфир врачей, пациентов и волонтеров для освещения темы в корректной форме с привлечением достоверной информации о заболевании. Члены межрегиональной общественной организации «Помощь больным муковисцидозом» и депутаты Госдумы РФ направили запрос в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с просьбой оценить этот эфир на «Маяке». Роскомнадзор квалифицировал реплики ведущих популярного ток-шоу как действия, нарушающие требования ст. 49 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», которая обязывает журналиста при осуществлении профессиональной деятельности уважать права, законные интересы, честь и достоинство граждан⁴.

¹ Как вам идея – умерщвлять детей-инвалидов? // Московский комсомолец. 06.03.2010 // <http://www.mk.ru/social/article/2010/02/05/425182-kak-vam-ideya-umerschvlyat-deteyinvalidov.html>

² Системное наследственное заболевание, обусловленное мутацией гена трансмембранного регулятора муковисцидоза и характеризующееся поражением желез внешней секреции, тяжелыми нарушениями функций органов дыхания и желудочно-кишечного тракта.

³ «Шоу Стиллавина, обвиненное в оскорблении инвалидов» // <https://www.youtube.com/watch?v=Fy2eXOJoPD8>

⁴ Роскомнадзор усмотрел в словах ведущих «Маяка» нарушение закона о СМИ // РИА Новости. 22.10.2012 // <http://ria.ru/media/20121022/905465333.html#ixzz29cYhDdsG>

Следует отметить, что новость о радиоэфире в течение двух недель после выхода передачи появилась в большинстве новостных изданий федерального масштаба, на интернет-порталах, в независимой прессе, активно обсуждалась в блогах, социальных сетях, на форумах. Аудитория отметила общую неудовлетворительную тональность формата, которая, по мнению многих слушателей, «давно вышла за рамки профессиональной этики»: болезни обсуждались на примитивном уровне, подобно «школьникам, смеющимся при упоминании глупых слов». Однако в данном эфире коснулись темы страдающих детей, поэтому «терпеть дальше было нельзя»¹. Спустя две недели после выпуска передачи ведущие принесли свои извинения публично в радиоэфире². В разгар обсуждений в прессе и социальных сетях 21 октября руководство радиостанции закрыло передачу «Болячки», а на следующий день сообщило, что ее ведущие уволены, их месячные зарплаты будут перечислены в один из фондов помощи больным вместе с зарплатами всех сотрудников радиостанции за один рабочий день.

Резкое общественное порицание и радикальный характер санкций со стороны властных институтов можно объяснять с разных позиций. Во-первых, журналисты затронули тему «страдающих детей», которая в любой дискуссии об инвалидности особенно остро воспринимается публикой. В массовом сознании «взрослый человек с инвалидностью» в некотором смысле «безнадежен», его ситуация «предрешена» и соответственно уже не является проблемой. Во-вторых, смена роли пассивного «третейского судьи» (как в случае с обсуждением статьи Никонова в Общественной палате РФ) на радикальные меры со стороны властных институтов могла стать результатом ратификации РФ 27.04.2012 Конвенции ООН «О правах инвалидов». Мы наблюдаем своего рода «показательный» процесс: радикальные меры приняты, общественность убеждена в справедливости, людям с инвалидностью выплатили материальную компенсацию. Но можно ли в данном случае говорить о критической дискуссии с конструктивными взглядами в будущее? Насколько официальные СМИ сейчас мотивированы затрагивать тему инвалидности без лишней оглядки на «официальное разрешение»? Является ли поведение ведущих результатом некорректной политики радиостанции или это проявление общей культуры в отношении к людям с инвалидностью в российском обществе? В то же время отметим, что общественные организации впоследствии отказались от судебного иска и предпочитают не комментировать ситуацию с «Маяком», по-прежнему ищут площадки дискуссии на тему редкой болезни и существующих проблем реабилитации.

¹ «Умирующие дети – это так смешно!» // Комсомольская правда. 21.10.2012 // <http://www.kp.ru/daily/25970/2907255/>

² Ведущие «Маяка» извинились за эфир о муковисцидозе // Радио «Маяк». 22.10.2012 // <http://www.radiomayak.ru/news/show/id/34292>

Рассмотренные кейсы медийного дискурса по проблеме инвалидности показывают, что процесс формирования идентичности человека с инвалидностью через открытый диалог в публичной сфере возможен благодаря таким конституирующим ее характеристикам, как рефлексивность, открытость и доступность, горизонтальный характер социальных взаимодействий, равенство участия [Calhoun, 1992]. Согласно Хабермасу, дискуссия предполагает обсуждение вопросов, которые не были проблематизированы гражданами ранее и оставались в сфере монополии государства и церкви основывается на принципах равного участия, даже если в ней участвуют институциональные структуры [Habermas, 1991. P. 36–38]. Однако процесс инклюзии и утверждения собственной идентичности человека с инвалидностью посредством использования символических ресурсов публичной сферы блокируется обратным процессом формирования «исключенной и исключительной идентичности». Мы видим, как активные агенты, способные инициировать и поддерживать рационально-критический диалог на тему инвалидности, вступают в противостояние: родители детей с инвалидностью совместно с НКО ведут борьбу против некомпетентного освещения ситуации в СМИ, затруднен поиск возможностей конструктивной дискуссии с чиновниками и социальными службами. В то же время рассмотренные конфликтные ситуации говорят о том, что возможен поиск новых линий взаимодействия сообщества людей с инвалидностью, экспертов, журналистов и представителей властных институтов: формирование экспертных советов, создание тематических теле- и радиопередач, организация дискуссионных площадок как альтернатива традиционному контенту СМИ о проблемах людей с инвалидностью.

Категория идентичности является ключевым инструментом исследования и незаменима в определенных контекстах, однако ее амбивалентность и явный разрыв между самоопределением, основанном на утверждении-ультиматуме («политическая модель идентичности»), и самоопределением, не имеющим четко очерченных границ («дисмодернизм»), вызывает ряд аналитических трудностей. Тем не менее концепт публичной сферы инвалидности помогает систематизировать механизмы формирования идентичности человека с инвалидностью. Социальная теория способна рассуждать о понятии инвалидности не только в терминах «исключенного класса», но и в терминах «новой этики тела», «неидентичности». Наука и технология, современные средства коммуникации позволяют сегодня человеку с инвалидностью определять себя в нескольких дискурсах одновременно. Однако в этом кроются ключевые риски кризиса самоопределения: самоопределение, основанное на осознании ограниченных возможностей передвижения и общения, зависимости от окружающих и государства, но в то же время необходимость самопрезентации,

утверждения собственной позиции, переформатирования «исключенной идентичности» в рамках публичных взаимодействий с властными структурами, СМИ, социальными институтами. Рассмотренные иллюстрации взаимодействий свидетельствуют о традиционной устойчивости в риторике инвалидности в публичной сфере российского общества патерналистских образцов поведения и предрассудков по отношению к людям с инвалидностью. Мы наблюдаем процессы, описанные Н. Фрейзер как реификация идентичности, когда самоопределение человека с инвалидностью превращается в предмет манипуляций, а материальные компенсации и «реактивные» управленческие действия становятся общественно-одобряемыми, но игнорируется необходимость последовательной рационально-критической дискуссии.

Тем не менее анализ представленных кейсов СМИ-дискурса на тему инвалидности помогает понять, что публичная сфера инвалидности как одно из измерений символического пространства публичной сферы российского общества сегодня становится все более «видимой». Дискуссия на тему инвалидности встраивается в СМИ не только с целью создать «громкий информационный повод», за которым кроется коммерческий интерес, но и с целью противостоять традиционному «дискурсу беспомощности», утвердить значимость и самооценку человека с инвалидностью. Рассмотренные по мере возрастания потенциала рационально-критической дискуссии кейсы демонстрируют зарождение диалога на тему инвалидности в публичной сфере вне специально отведенных рубрик прессы, тематических теле и радиопередач, способность публики вступать в этот диалог, способность сообщества людей с инвалидностью определять свою коллективную идентичность в этом диалоге не только в терминах противостояния, но и в рамках институционализированного диалога (пример обсуждения статьи Никонова в Общественной палате РФ). Подобные примеры артикуляции темы инвалидности в СМИ способны не только активизировать механизмы формирования коллективной идентичности людей с инвалидностью на различных уровнях консолидации, но и выступать своеобразным пусковым механизмом активизации российского гражданского общества в целом. Вступление в дискуссию в публичной сфере утверждает коллективную идентичность людей с инвалидностью в терминах гражданства и социальной ответственности.

Список источников

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Изд-во «Медиум», 1995.

Ибарра П., Китсьюз Дж. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. С. 55–114.

Ним Е. О социологах, телеведущих, рыцарях и чучелах: деконструкция медиаскурса социальных проблем // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 1. С. 13–32.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Репрезентация инвалидов в массовой культуре // Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. С. 1–12.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Тело и дискриминация: инвалидность, гендер и гражданство в постсоветском кино // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 76. С. 84–91.

Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности – II / сост. С. А. Ерофеева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.

Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы / пер. с англ. И. Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. С. 18–54.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер с англ. А. В. Толстых. М.: Издат. группа «Прогресс», 1996. С. 24–33.

Allport G. The Nature of Prejudice. Cambridge, Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Co., Inc., 1954.

Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N. Y., L.: Routledge, 1990.

Calhoun C. The Problem of Identity in Collective Action // El lugar de la cultura en la sociología norteamericana / ed. by J. Auyero. Universidad Nacional de Quilmes, Buenos Aires, Argentina, 1998.

Calhoun C. J. Introduction // Habermas and the Public Sphere / ed. by C. J. Calhoun. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. P. 1–48.

Cohen J. L. Strategy or Identity: New Theoretical Paradigms and Contemporary Social Movements // Social Research. 1985. № 52/4, Winter. P. 663–716.

Davis L. The End of Identity Politics and the Beginning of Dismodernism. On Disability as an Unstable Category // The Disability Studies Reader / ed. by L. J. Davis. London, New York: Taylor & Francis Group, LLC, 2006. P. 231–242.

Foote N. N., Cottrell L. S. Jr. Identity and Interpersonal Competence: A New Direction in Family Research. University of Chicago Press, 1955.

Fraser N. Rethinking Recognition: Overcoming Displacement and Reification in Cultural Politics // Recognition Struggles and Social Movements / ed. by B. Hobson. Cambridge: Cambridge University, 2003.

Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Engle-wood, N. J.: Prentice-Hall, 1963.

Gould R. Insurgent Identities: Class, Community and Protest in Paris from 1848 to the Commune. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Hall S. Introduction: Who Needs Identity? // Questions of Cultural Identity / ed. by S. Hall and P. du Gay. London: Sage, 1996.

Melucci A. The Process of Collective Identity // Social movements and culture / ed. by H. Johnston and B. Klandermans. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. P. 41–64.

Oliver M. The Disability Movement is a New Social Movement // Community Development Journal. 1997. № 32. P. 244–251.

Shakespeare T. Disabled People's Self-Organisation: a New Social Movement? // Disability, Handicap and Society. 1993. Vol. 8. № 3. P. 267–289.

Shakespeare T. Disability Rights and Wrongs. London, New York: Taylor & Francis Group, 2006.

Strauss A. Mirrors and Masks: The Search for an Identity. Glencoe: Free Press, 1959.

Werbner R. Multiple Identities, Plural Arenas // Postcolonial Identities in Africa / ed. by R. Werbner and T. Ranger. London: Zed, 1996. P. 1–26.

Winter J.A. The Development of the Disability Rights Movement as a Social Problem Solver // Disability Studies Quarterly. 2003. Vol. 23. № 1. P. 33–61.

References (Cyrillic letters are transliterated)

Berger P., Lukman T. Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya / per. s angl. E. Rutkevich. M.: Izd-vo «Medium», 1995.

Ibarra P., Kitsyuz Dzh. Diskurs vydvizheniya utverzhdeniy-trebovaniy i prostorechnyye resursy // Sotsialnyye problemy: konstruksionistskoye prochteniyе. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2007. S. 55–114.

Nim E. O sotsiologakh, teledushchikh, rytsaryakh i chuchelakh: dekonstruktsiya mediadiskursa sotsialnykh problem // Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki. 2010. T. 8. № 1. S. 13–32.

Romanov P. V., Iarskaia-Smirnova E. R. Reprezentatsiya invalidov v massovoy kulture // Politika invalidnosti: sotsialnoye grazhdanstvo invalidov v sovremennoy Rossii. Saratov: Izd-vo «Nauchnaya kniga», 2006. S. 1–12.

Romanov P. V., Iarskaia-Smirnova E. R. Telo i diskriminatsiya: invalidnost, gender i grazhdanstvo v postsovetском кино // Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kulture. 2011. № 76. C. 84–91.

Spektor M., Kitsyuz Dzh. Konstruirovaniye sotsialnykh problem // Konteksty sovremenosti – II / sost. S. A. Erofeeva. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2001.

Khilgartner S., Bosk Ch. Rost i upadok sotsialnykh problem: kontseptsiya publichnykh aren // Sredstva massovoy kommunikatsii i sotsialnyye problemy/per. s angl. I. G. Yasaveyev. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2000. S. 18–54.

Erikson E. Identichnost: yunost i krizis / per s angl. A. V. Tolstykh. M.: Izdat. gruppya «Progress», 1996. S. 24–33.

Allport G. The Nature of Prejudice. Cambridge, Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Co., Inc., 1954.

Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N. Y., L.: Routledge, 1990.

Calhoun C. The Problem of Identity in Collective Action//El lugar de la cultura en la sociologia norteamericana / ed. by J. Auyero. Universidad Nacional de Quilmes, Buenos Aires, Argentina, 1998.

Calhoun C.J. Introduction // Habermas and the Public Sphere / ed. by C.J. Calhoun. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. P. 1–48.

Cohen J.L. Strategy or Identity: New Theoretical Paradigms and Contemporary Social Movements // Social Research. 1985. № 52/4, Winter. P. 663–716.

Davis L. The End of Identity Politics and the Beginning of Dismodernism. On Disability as an Unstable Category // The Disability Studies Reader / ed. by L.J. Davis. London, New York: Taylor & Francis Group, LLC, 2006. P. 231–242.

Foote N.N., Cottrell L. S.Jr. Identity and Interpersonal Competence: A New Direction in Family Research. University of Chicago Press, 1955.

Fraser N. Rethinking Recognition: Overcoming Displacement and Reification in Cultural Politics // Recognition Struggles and Social Movements / ed. by B. Hobson. Cambridge: Cambridge University, 2003.

Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Engle-wood, N.J.: Prentice-Hall, 1963.

Gould R. Insurgent Identities: Class, Community and Protest in Paris from 1848 to the Commune. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Hall S. Introduction: Who Needs Identity? // Questions of Cultural Identity / ed. by S. Hall and P. du Gay. London: Sage, 1996.

Melucci A. The Process of Collective Identity // Social movements and culture / ed. by H. Johnston and B. Klandermans. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. P. 41–64.

Oliver M. The Disability Movement is a New Social Movement // Community Development Journal. 1997. № 32. P. 244–251.

Shakespeare T. Disabled People's Self-Organisation: a New Social Movement? // Disability, Handicap and Society. 1993. Vol. 8. № 3. P. 267–289.

Shakespeare T. Disability Rights and Wrongs. London, New York: Taylor & Francis Group, 2006.

Strauss A. Mirrors and Masks: The Search for an Identity. Glencoe: Free Press, 1959.

Werbner R. Multiple Identities, Plural Arenas // Postcolonial Identities in Africa / ed. by R. Werbner and T. Ranger. London: Zed, 1996. P. 1–26.

Winter J.A. The Development of the Disability Rights Movement as a Social Problem Solver // Disability Studies Quarterly. 2003. Vol. 23. №. 1. P. 33–61.

Вербилевич Ольга Евгеньевна – аспирантка факультета социологии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Москва,
электронная почта: verbilovich.olga@gmail.com

Olga E. Verbilovich – PhD student, Faculty of Sociology,
National Research University "Higher School of Economics", Moscow,
e-mail: verbilovich.olga@gmail.com
